

П. Бородкин РАСКАТЫ ГРОМА

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК)

Мы продолжаем документальную историческую повесть-лентопись про звезды дней Великой революции. В создании повести, как уже говорилось, принимает участие большая группа авторов — историки, журналисты, писатели. Она посвящена пятидесятилетию Советской власти и отразит события, произошедшие на Алтае со дня первого революционного до наших дней. Повесть расскажет о выдающихся участниках революционной борьбы, о самоотверженных строителях коммунизма. С первыми страницами ее читатели уже познакомились. Она открывалась очерком В. Чиликина «Перед грозой».

Публикуем следующую главу. Ее написал работник государственного краевого архива писатель П. Бородкин.

1.

Долго не мог опомниться Алеха от угощения на Борисинском дворе. Придя к себе, сказал Василий:

— В деревню подамся... Там легче прокормиться, покуда пенсии вьются.

Василиса взглянула на свой наруженный, в узлах руки — до упаду приходилось стирать белье на купца и чиновников.

— А и то правда. — И вдохнула с горечью: — Экую тебе отметину посадили. Мотри, кабы новую не заробить.

В селе Черемновском Павловского имения Алеха завернул к фронтовому другу Ивану Ложкину. Того тоже война покалечила. Но выглядел бодро, даже весело.

— Проходи, проходи, куманек! Привел господь снова свидеться.

Алеха поперхнулся от непривычной рюмки водки. До испарин пил крепкий, запашистый и горячий, с ключиком, чай.

Невольно щурись глаза, но всё до мелочи привечали в хозяйстве Ивана. Сквозь ледяную пленку окна виден целый табор сосновых бревен. Ого, сколько! На целый дом с пристройками хватит. А может, и того больше. Бревна — свежесрубленные, отливают золотом не успевшей поблекнуть коры.

— Зажил никак? — с завистью и удивлением спросил Алеха.

— А то как же? Не ари на войне с бедой в пристальных ходили... Свободы сейчас пошли... Вот, видишь, леском обвялелся, новую избу летом поставлю.

Иван достал из кармана аккуратно сложенную бумажку, бережно развернул.

— Манихвест это... Чуешь? Здесь про все прописано... Мол, если надо лесом, руби сколько душа позволяет, земли лехвата — бери в руки сажень и нарезай из пустошей, где нравится... Очень даже чудесно.

Алеха погладил рубец с синими закраинами, который щеку перечеркнул, рот растянул от удивления.

— Да ну?

— Истин крест.

Припомнил Алеха, что вроде также же листки видел в Барнауле — социалисты разбрасывали. От тревожного предчувствия холода пробежал по спине.

На другой день собрался в Черемновском сельский сход. Взгляды у мужиков веселые, уверенные, в глазах искры — свобода ведь! Грудь у всех нараспашку — новобранецкий инючом.

Тут случай выпал небывалый — сам заместитель начальника Алтайского округа Розанов к мужикам вышел. Заговорил, степенно и уверительно. Ногами же топал и не

строился. И только под конец от слов повеяло начальственным холдком.

Сегодня же вам надлежит свезти самовольно нарубленный лес в указанное место. Лес — собственность его императорского величества. Государево добро, как было, так и остается. Это вас большевики все мутят. Это они привезли вам парский манифест, а свою злорвенные листовки...

Озадаченные мужики поскребли затылки. Что ж это выходит? Настоящая-то правда не от властей идет, а от большевиков. Стал быть, большевики лучше всех понимают мужика, хотят, чтобы ему было хорошо.

А под вечер кояные городевые и казаки стали шарить по крестьянским дворам. У кого лес находили — особый разговор с тем вели. Составляли протоколы, накладывали штраф раз в пять дороже стоимости леса. И лес отбирали. Пожаловали и к Ивану. Тот встал у соснового табора, раскинув руки и заявил:

— Не дам, и все! Правов заших нет отнимать! За царя-батюшку во-

евал, кровь эта фронте пролил. Из сеней Алеха услышал хорошо знакомый звук — «хрясь!». Насмерть перенесенный задал тягу из Черемновского. Вот тебе и раз! Не лучше, чем в Барнауле.

А события, между тем, развертывались грозовые. Крестьяне многих сел выносили приговоры о непризнании властей, о захвате кулацких и кабинетских земель, о том, что могут рубить себе лес в потребных количествах.

Добрался Алеха до села Шиловского, к знакомому солдату Ступакову. Звал когда-то его Ступаков — мол, живы останемся — наведайся. Добрался, а в селе переполох почине, чем в Черемновском. Казаки и городовые выкапывали из крестьянских дворов самовольно нарубленный лес. В воздухе висела ругань, резко свистели патчи.

Ступаков, как угорелый, метался по двору — не давал выкатывать лес. Когда убедился, что бесследен противодействовать, зашел на крыльцо и давал костерить самого государя-императора.

— Он нас на войне замучил, да и теперь морит — ему давно надо голову оторвать!

Казаки накрепко скрутили Сту-

пакова по рукам и ногам веревка. Вместе с ним за решетку попали два земляка — запасные солдаты Пахомов и Мурзин. За оскорбление царя и «злорвенные» речи, имеющие «нагубное влияние на односельчан».

Алеха так и не переступил порога дома бывшего однополчанина.

2.

Прочно прижился в Змеиногорске управляющий царским имением Недельский. Конттора имения располагалась на пригорке. Отсюда хорошо просматривались улицы тихого города, которому полтора века назад предсказывали блестящее будущее. Любил смотреть управляющий в окна. Увидит рудные обозы австрийской золоторемесленной компании «Тури-и-Таксис и доктор Жанне» — сердце возвздается. Ведарская монета богата отчислениями от добычи концессионеров. А он, Недельский — верный рабец слуги.

Впереди и вправо от контторы, за каменной оградой, — каменная церковь. За ней — базарная площадь.

Там самая прочная опора властей осела — купцы Сухов, Макаров и Воробьевский.

И все же именно базарная площадь стала местом революционного взрыва в Змеиногорске. Отсюда волны покатились по всему уезду.

День 20 декабря 1905 года выдался безветренным. Легкая морозная дымка скрадывала очертания окружающих сопок. В Змеиногорске — традиционная зимняя ярмарка.

Сотни крестьянских подвод плотно забили площадь, прилегающие улицы и переулки. До хрипоты надрывали глотки неугомонные за-

зывающие:

— Масло скромное, топленое!

— Овчины домашние, недубленые!

— Рабчаки в первом свежем убое!

И вдруг деловой ритм ярмарки нарушил истощенный, тревожный крик:

— То же конокрады!

Две группы крестьян отчаянно,

до испарин на висках, принялись молотить кулаками друг друга. Тут же бестолково суетились полицейские. Один из них заорал во все горло:

— Скуластых бой! Это они конокрады!

Кое-кто уже принялся стаскивать с возов ни к чему непричастных алтайцев.

Неизвестно, чем кончилась бы полицейская провокация, не раздаясь в это время внутренний бас:

— Если быть, так полицейских и чиновников!..

Толпа мгновенно застыла. Будто резкий морозный ветер дунул. Сотни человеческих глаз глядели на штабель кулей с пинцетами. Стоявший там человек пояснял:

— Бить за то, что податями душат, прутка в лесу не дают срезать!

Над площадью понесся дружный рев голосов.

Пришло то слово, будто искра в сухом солому.

Полицейские почтули беду и приступили во все лопатки. Едва успели шагнуть в дом исправника. У исправника не дом, а крепость. Как ни напирали толпа на двери, не поддавались.

— В монопольку-у!

И тут же чей-то предстерагало:

— Только, мужички, капли в рот не брат!

Монопольку разбивали с особым усердием. Звенело бьющееся в осоколки посудное стекло. В морозном воздухе плыли густые винные за-

пахи.

И вдруг ударил вверх едкий дым, полыхнули огненные языки — запыль долом исправника. Чтобы он споря дотла, крестьяне оставили вооруженный караул, а сами направились к зданию конторы имени.

С грохотом и треском рушили оконные рамы и двери. В черные стекленые промежутки вылетали пачки бумаг, взвишивали снопы искр в корстах, разведенных под стенами конторы.

Люди ворошили костры. До последней буки сгорали ненавистные протоколы о самовольных порубках леса и дела о крестьянских недоимках.

— Недельского сюда!

Тысячеголосый рев проник за церковные стены, за которыми укрывался Недельский с вооруженным отрядом обездвижников и служащих имении.

Восставшие опечали церковь. Затрещали выстрелы. Свинец задоскал о кирпичные стены. Из церкви отстреливались, но все реже. Восставшие приближались к церкви. Впереди три человека звали на штурм.

«Зинцинники», — подумал Недельский, нажимая на спусковую крючок винтовки. И тут же зло выругался: в магазине — ни одного патрона. И впервые понял, что Недельский свою беспомощность перед яростной силой толпы.

Выручили местные кулаки и торговцы, которые, вооружившись, прорвались к церкви. Недельский вырвался из кольца. Силы

стали неравными. Восставшие рассеялись. Недельскому удалось захватить руководителей восставших — Еспнова, Шмырина, Суворина...

...Недалеко от Змеиногорска раскинулась белая деревня Барановка. Жили в ней переселенцы из России. Непричисленными назывались — земли не имели. Чтобы кое-как прокормиться, батраки ли на кулаков-старожилов, а больше занимались ловлей перепелов. Предмет их промысла находил спрос далеко за пределами уезда. Немудрено, что в Барановке молодого парня не считали женихом, если он не преуспевал в перепелиной ловле. До дважды тысяч перепелов в год отлавливали барановские мужики. Но тайно мечтали о желанной земле. Поэтому барановские охотники на перепелов первыми поспешили на помощь змеиногорцам.

А Недельский тем временем получил подкрепление и без особого труда отогнал от Змеиногорска крестьян Барановки и других сел.

Всю зиму Недельский рыскал по селам уезда, пулей и плютьем умираторвал непокорных крестьян, возбужденных революционным словом. Недельский вел список «смутьянов». В нем упоминал писарь Куринской волости Гославцева и его сестру. В самом Змеиногорске под видом часовщика появился некий Олейник. Его призывы к выступлению против властей звучали особенно резко.

Нити опять-таки вели к Барнаульской социал-демократической организации.

Но успел Розанов как следует осмыслить происходившее в Змеиногорске, как новая революционная вспышка ослепила его глаза...

Уездный город Бийск — уютное купеческое гнездышко. Дела купцов и промышленников Морозовой, Асновской, Второва, Еспнова, Сычева и других быстро шли в гору. В городе роскошные господские особняки. Сказочно богатые, купцы соревновались в благотворительности. Не ради блага горожан, конечно. Больше из тщеславия и желания казаться в глазах горожан добрыми папашами. Потомственный почтенный гражданин города Е. Г. Морозова, например, выстроил на своей скромной коневязи конюшню. Отставной полковник Коньков выложил сто тысяч рублей на постройку Народного дома.

Но в Бийске нашлись люди, которые помогли горожанам раскусить «благотворителей»,бросить новая земля. Зашатался извечный порядок, угодный богатым...

...Изображение на рисунке художника Заборского.

Разгон лесной стражи крестьянами. Алтайский округ 1905—07 гг.

С рисунка художника Заборского.

пакова по рукам и ногам веревка. Вместе с ним за решетку попали два земляка — запасные солдаты Пахомов и Мурзин. За оскорбление царя и «злорвенные» речи, имеющие «нагубное влияние на односельчан».

Алеха так и не переступил порога дома бывшего однополчанина.

2.

Прочно прижился в Змеиногорске управляющий царским имением Недельский. Конттора имения располагалась на пригорке. Отсюда хорошо просматривались улицы тихого города, которому полтора века назад предсказывали блестящее будущее. Любил смотреть управляющий в окна. Увидит рудные обозы австрийской золоторемесленной компании «Тури-и-Таксис и доктор Жанне» — сердце возвздается. Ведарская монета богата отчислениями от добычи концессионеров. А он, Недельский — верный рабец слуги.

Впереди и вправо от контторы, за каменной оградой, — каменная церковь. За ней — базарная площадь.

Там самая прочная опора властей осела — купцы Сухов, Макаров и Воробьевский.

И все же именно базарная площадь стала местом революционного взрыва в Змеиногорске. Отсюда волны покатились по всему уезду.

День 20 декабря 1905 года выдался безветренным. Легкая морозная дымка скрадывала очертания окружающих сопок. В Змеиногорске — традиционная зимняя ярмарка.

Сотни крестьянских подвод плотно забили площадь, прилегающие улицы и переулки. До хрипоты надрывали глотки неугомонные за-

зывающие:

— Масло скромное, топленое!

— Овчины домашние, недубленые!

— Рабчаки в первом свежем убое!

И вдруг деловой ритм ярмарки нарушил истощенный, тревожный крик:

— То же конокрады!

Две группы крестьян отчаянно,

до испарин на висках, принялись молотить кулаками друг друга. Тут же бестолково суетились полицейские. Один из них заорал во все горло:

— Скуластых бой! Это они конокрады!

Кое-кто уже принялся стаскивать с возов ни к чему непричастных алтайцев.

Неизвестно, чем кончилась бы полицейская провокация, не раздаясь в это время внутренний бас:

— Если быть, так полицейских и чиновников!..

Толпа мгновенно застыла. Будто резкий морозный ветер дунул. Сотни человеческих глаз глядели на штабель кулей с пинцетами. Стоявший там человек пояснял:

— Бить за то, что податями душат, прутка в лесу не дают срезать!

Над площадью понесся дружный рев голосов.

Пришло то слово, будто искра в сухом солому.

Полицейские почтули беду и приступили во все лопатки. Едва успели шагнуть в дом исправника. У исправника не дом, а крепость. Как ни напирали толпа на двери, не поддавались.

— В монопольку-у!

И тут же чей-то предстерагало:

— Только, мужички, капли в рот не брат!

Монопольку разбивали с особым усердием. Звенело бьющееся в осоколки посудное стекло. В морозном воздухе плыли густые винные за-

пахи.

И вдруг ударил вверх едкий дым, полыхнули огненные языки — запыль долом исправника. Чтобы он споря дотла, крестьяне оставили вооруженный караул, а сами направились к зданию конторы имени.

С грохотом и треском рушили оконные рамы и двери.

Люди ворошили костры. До последней буки сгорали ненавистные протоколы о самовольных порубках леса и дела о крестьянских недоимках.

— Недельского сюда!

Тысячеголосый рев проник за церковные стены, за которыми укрывался Недельский с вооруженным отрядом обездвижников и служащих имении.

Восставшие опечали церковь. Затрещали выстрелы. Свинец задоскал о кирпичные стены. Из церкви отстреливались, но все реже. Восставшие приближались к церкви. Впереди три человека звали на штурм.

«Зинцинники», — подумал Недельский, нажимая на спусковую крючок винтовки. И тут же зло выругался: в магазине — ни одного патрона. И впервые понял, что Недельский свою беспомощность перед яростной силой толпы.

Выручили местные кулаки и торговцы, которые, вооружившись, прорвались к церкви. Недельскому удалось захватить руководителей восставших — Еспнова, Шмырина, Суворина...

...Недалеко от Змеиногорска раскинулась белая деревня Барановка. Жили в ней переселенцы из России. Непричисленными назывались — земли не имели. Чтобы кое-как как прокормиться, батраки ли на кулаков-старожилов, а больше занимались ловлей перепелов. Предмет их промысла находил спрос далеко за пределами уезда. Немудрено, что в Барановке молодого парня не считали женихом, если он не преуспевал в перепелиной ловле. До дважды тысяч перепелов в год отлавливали барановские мужики. Но тайно мечтали о желанной земле. Поэтому барановские охотники на перепелов первыми поспешили на помощь змеиногорцам.

А Недельский тем временем получил подкрепление и без особого труда отогнал от Змеиногорска крестьян Барановки и других сел.

Всю зиму Недельский рыскал по селам уезда, пулей и плютьем умираторвал непокорных крестьян, возбужденных революционным словом. Недельский вел список «смутьянов». В нем упоминал писарь Куринской волости Гославцева и его сестру. В самом Змеиногорске под видом часовщика появился некий Олейник. Его призывы к выступлению против властей звучали особенно резко.

Нити опять-таки вели к Барнаульской социал-демократической организации.

Но успел Розанов как следует осмыслить происходившее в Змеиногорске, как новая революционная вспышка ослепила его глаза...

...Изображение на рисунке художника Заборского.

пакова по рукам и ногам веревка. Вместе с ним за решетку попали два земляка — запасные солдаты Пахомов и Мурзин. За оскорбление царя и «злорвенные» речи, имеющие «нагубное влияние на односельчан».

Алеха так и не переступил порога дома бывшего однополчанина.

2.

Прочно прижился в Змеиногорске управляющий царским имением Недельский. Конттора имения располагалась на пригорке. Отсюда хорошо просматривались улицы тихого города, которому полтора века назад предсказывали блестящее будущее. Любил смотреть в окна. Увидит рудные обозы австрийской золоторемесленной компании «Тури-и-Таксис и доктор Жанне» — сердце возвздается. Ведарская монета богата отчислениями от добычи концессионеров. А он, Недельский — верный рабец слуги.

Впереди и вправо от контторы, за каменной оградой, — каменная церковь. За ней — базарная площадь.

Там самая прочная опора властей осела — купцы Сухов, Макаров и Воробьевский.

И все же именно базарная площадь стала местом революционного взрыва в Змеиногорске. Отсюда волны покатились по всему уезду.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

(Продолжение. Начало в № 171).

Бывший народоволец Леонид Ешина, лишенный дворянства и всех особых прав и преимуществ, оказался поселенным на жительство в Бийске под гласный надзор полиции. Ешина беспротивно тянули лямку письма в местном воинском присутствии за 12–20 рублей в месяц. Бийский уездный исправник не раз говорил в кругу равных себе людей:

— Ешина, господа, пример для того, как неблагонадежный элемент усиливших полиции становился на правильную стезю...

Исправник глубоко ошибался. Затичиной благонадежности Ешина скрывалась зоркая наблюдательность. Он выжидал, присматриваясь к событиям и людям. Постепенно, наблюдая и осмысливая, народоволец превращался по своим взглямам в социал-демократа. В 1905 году стал членом и одним из руководителей Бийской группы РСДРП.

Был в Бийске и другой политический — Казимир Курочкицкий. Работал переплетчиком в Бийской типографии Аврова и Козыльтина. Безудержным революционным бунтарством, непримиримостью к властям, бурным темпераментом Курочкицкий напоминал барнаулца Симанина.

С округи более чем в сто верст съехались на зимнюю ярмарку крестьяне. На торговых площадях Бийска расплескалось людское море. А порядок на ярмарке такой, что придраться не к чему. Полицейские от бедалян изнывали.

Порой, чтобы

надпись: «Бийская группа РСДРП». Листовка называлась «К чиновникам».

— Где взял?

— Как игде! Всем давали. Чты, вам благородье...

— Оценить ярмарку, — гаркнул полицейский чин, — задержать гаэтчиков!

Куда там! Ярмарка уже на исходе, и площадь почти пуста.

Крестьяне разъехались по селам, а вслед за ними разбрелись книгоноши. У них вместе с книгами и листовками для крестьян.

Курочкицкий вне себя от восторга — весь тираж листовок разошелся, смыые ста тысяч экземпляров.

Розанов, как только возвратился в Барнаул из Черемновского и Шипловского, сразу поспешил к помощнику начальника Томского губернского жандармского управления Завьялову.

— Обращаю ваше внимание, господин подполковник, на крайне вредное влияние бийских листовок на простой люд. Жду решительных действий с вашей стороны...

Ретивый подполковник в чрезвычайной спешке едва не загнал до изыскания тройку добрых лошадей. В Бийске напустился на уездного крестьянина.

— Выразяю недовольство вашим попустительством...

Полиция по приказу Завьялова арестовала трех членов Бийской группы РСДРП — Ешина, Яхонтова и Петрова.

На другой день, 9 января 1906 года, Курочкицкий забежал к печатнику листовок, разъяснился. По верху листка бегут жирные буквы: «Российская социал-демократическая рабочая партия». Внизу другая

— Бросайте работу! Идите на базарную площадь!

Кучеческий Бийск вовек не видывал и не слыхивал такого.

После летучего митинга на площади тысячная лавина бийчан в едином порыве покатилась по улицам. Шли печатники, строители,

грузчики, гончары, извозчики, скотогони, мелкий служащий люд. Шли, освобождая арестованных. Слышали возгласы:

— Долой самодержавие!

— Да здравствует демократическая Республика!

— Свободу арестованным!

Тюремную стражу, как былинку ураганом, подхватило.

От тюрем демонстрантышли с нейтрально смотрели на происходившее. Горожане по достоинству оценили молчаливую солидарность братьев-солдат. Социал-демократы выражали им благодарность и в заключительных словах листовки призывали солдат к активной борьбе:

«Долой начальников — гумилей, воров и казнокрадов! Долой министров, богачей-куланов и всех подлецов!»

Вскоре топоры затюкали по всему уезду — от Улала до Усть-Пристани. Переселенцы забывали прежние обиды на старожилов. На перекрёстках дорог были выставлены крестьянские дозоры — чтобы какой помехи в поруках не случилось.

Розанов метался в страхе и отчаянии. Лесная стража и проса не показывала полицейским. Казимира Курочкицкого арестовали. Та же часть постигла и других социал-демократов. Но они сделали свое дело — в Бийске стало светлее...

Революционная вспышка в Бийске почти тотчас озарила весь уезд.

В селе Алтайском крестьяне явились в контору Бийского имения. Потребовали управляющего. Того не оказалось. Вышел помощник Лавров, строго спросил:

— Чего толпы пожаловали?

И тут же прикусил язык — лица у крестьян сурвое и решительные.

— Нечего растабарывать, идем в волость. Не пойдешь — волоком по татцам.

В волостном правлении уже сидели становой полицейский пристав,

священник, волостной староста. Бледные, растерянные. Крестьяне — к Лаврову:

— Пиши бумагу, чтобы лесная стражка прочь уметалась. Не наимаше — во, видел?

Гнев народа на время парализовал бийские власти.

Группа РСДРП действовала открыто. Типография Аврова и Козыльтина выполняла срочные заказы Курочкицкого и Ешина. Печатались тысячи новых листовок. Они неожиданно появлялись на сцене общественного собрания, в магазинах и даже в кучеческих особняках. Одна из листовок называлась: «Письмо гражданина солдата».

Вместался поп. Пока он уверял крестьян, чиновник юркнул в дверь — и был таков. Хватились крестьяне — нет Лаврова. Сбежал.

— А мы и без его бумаги обойдемся, — послышались решительные голоса.

Крестьяне разогнали лесную стражу и приялись самовольно рубить лес.

Вскоре топоры затюкали по всему уезду — от Улала до Усть-Пристани. Переселенцы забывали прежние обиды на старожилов. На перекрёстках дорог были выставлены крестьянские дозоры — чтобы какой помехи в поруках не случилось.

Розанов метался в страхе и отчаянии. Лесная стража и проса не показывала полицейским. Казимира Курочкицкого арестовали. Та же часть постигла и бийскую уездную полицию. С разрешения томского губернатора бийский уездный исправник метнулся в предгорные станицы Терскую, Антоньевскую, Николаевскую. Станичные атаманы сколотили летучие отряды вооруженных казаков.

А волнения разгорались все шире и ярче. В селе Сибирячихе Солонешской волости крестьяне напали на замки кулаков, которые арендовали лучшие земли. Крупный кулак-арендатор Ф. И. Сысоев схватил топором, строго спросил:

— Чего толпы пожаловали?

Стаьте этим наемным шкуркам брезовыми самовары! Бить их надо стяжками, чтобы больше к нам не ездили!

наково нужны земля и лес. При противодействии властей крестьяне потрясали бийскими листовками.

— Эти бумаги по нам!..

И продолжали свое с новой силой и настойчивостью.

Бийский уездный воинский начальник подполковник Загоровский трезвея другим оценил происходившее.

— В действиях крестьян усмотряли открытое революционное направление. Сельские сходы выносят приговоры о непризнании властей. Можно ожидать крупных вооруженных выступлений...

Загоровский получил неприятность по службе за панические настроения.

Пять лет лесной смотритель не без умысла не отводил участка Ново-Обинскому сельскому обществу. Крестьяне Ксенофонт Терехин на сельских сходах возмущались:

— Не то что крыши или сарай поправить — печь истопить нечем...

В селе жгли все, что можно жечь — половины из амбаров, ветхие постройки. Но разве этим наполовину?

И, наконец, терпение лопнуло. В марте 1906 года сотни новообиццев понесли на старожилов. Бессильной оказалась и бийская уездная полиция. С разрешения томского губернатора бийский уездный исправник метнулся в село становой пристав, а с ним чиновники с отрядом казаков. Пристав приказал:

— Самовольно нарубленный лес отдать до единого хлыстика!

Сельский сход в один голос:

— Так мы же деньги заплатим за лес...

— Как скажешь, так и будет...

Тогда на чурбак вскочил Ксенофонт Терехин.

— Доколе терпеть, сельчане? Ставьте этим наемным шкуркам брезовыми самовары! Бить их надо стяжками, чтобы больше к нам не ездили!

(Продолжение следует).

Напротив земской квартиры — спешенные казаки. Крестьяне — туда. С ними малолетние ребятишки. Не решились стрелять казаки, вспять повернули. А пристав с чиновниками в земской квартире заперлись. Два казака, полицейский урядник и обездичник были избиты. Лишь позже властям удалось усмирить новобранцев.

* * *

В приобском многолюдном селе Быстрым Истоком появились два брата Казарцевы. Иван — сапожник, Мирон — плотник. Добротные сапоги шил Иван, носки. Тонко работал и Мирон. Поставил сруб без машины, а между венцами — комарница не подточит. Плату за работу братья брали самую низкую. Поэтому от закачников отбоя не было.

Пригляделись братья к крестьянам и разговоры втихомолку завели:

— Время такое, что за свою правду придется бороться, за землю и лес.

Самых надежных крестьян братья приглашали на чай. Слабкая листовка, говорили:

— Социал-демократы поясняют, как и за что надо бороться крестьянину...

В декабре 1906 года быстроистокские крестьяне организованно приступили к самовольным порубкам. На сельском сходе договорились: казаков в село неpusкат, аловредных чиновников, ранее приехавших, перепните.

Перепуганный бийский исправник обратился за помощью к томскому губернатору. В мятежное село двинулись два отряда солдат и казаков. Но так и не дошли.

В Паутовской волости поднялось против властей село Завьялово, верстах в десяти от Быстрого Истока.

Завьялцы открыли настоящую войну. Они начали громить оставившихся на отдельных казаков, отбирали у них оружие. Командирам все же удалось построить боевые порядки. Крестьяне не испугались. Из их рядов выскоции вперед, запасной солдат Тимофея Бушуев. В одной руке — винтовка, в другой — шапка «Ура!» — закричал он, увлекая крестьян в наступление. Но тут грянул винтовочный залп, срезал Бушуева. Остановились в замешательстве, прогнули крестьяне.

Слух о вооруженном выступлении завьяловцев молнией облетел соседние села. В Быстрых Истоках охранники были настороже. Но вдруг загудел тревожный набат. Это братья Казарцевы подали сигнал с колокольни.

Сельская площадь никогда не видела такого скопища людей, как в эту ночь на 18 января 1907 года. Собралось пять тысяч человек!

Казарцевы и активисты-крестьяне призывают:

— Пусть узнают царские слуги, что крестьяне умеют драться за свои права!

Заколыхалась, сорвалась с места людская масса. На ходу вооружились чем можно. Дом лесногосмотрителя раздавили, как спичечную коробку. Вспыхнуло пламя костров — это горели протокоды о лесных нарушениях.

И снова зазвучали призывные голоса Казарцевых:

— Айда на помощь завьяловцам!

Не успела подняться утренняя морозная дымка, а повстанцы уже шагали по центральной улице Завьялова, к сборне. Но путь преградили солдаты и казаки. Завязалась пе-

рестрелка. Силы оказались неравными. Повстанцы вынуждены были отступить.

А ночью до самого утра в Быстрых Истоках горели костры и звучали песни — новые, принесенные Казарцевыми да некоторыми запасными солдатами:

— Отре-чес-мы от ста-ро-го

ми-и-ра...

Возбужденные недавней схваткой, повстанцы строили новые планы.

А в Барнауле из Петербурга возвратился начальник Алтайского

шрифты. Фофанов возглавил восстановленную типографию, стал членом Барнаульского комитета РСДРП.

Лишь 27 марта 1910 года полиция арестовала всех членов Барнаульского комитета.

Выше прежнего подняли головы чиновники, промышленники и купцы, прочно утвердились в гласными городской думы и членами управы.

Поляков припомнили пимокатам прежние дерзости — стал душить непосильной работой. Не отставали

и крестьяне Зотов. У обоих на лицах свежие синяки и ссадины.

— Мужики! Глядите, как нас разукали! обездичники Майорниковых с багатями Сердскими. И ни за что, ни про что.

Зажглись крестьянские сердца. Всем сходом двинулись в дому управляющего Павловским имением. Управляющий вышел на крыльце. Руку прижал к груди, заверяя, daß как клятву, — время выгадывал:

— Все будет исполнено...

кой местный священник увещевал собравшихся слезными словами:

— Поща мятесь, чада мои! Подчинитесь власти слуг помазанника божия!

Поповские слова заглушили набат церковных колоколов. За Фунтовку густыми толпами валили крестьяне. У каждого в руках — горы, вилы, косы, дробовики, а у некоторых — винтовки и револьверы.

Побледнев, трусливой рысцой убежал поп.

Теперь попременно и горячо горвали сами крестьяне.

— Выгоним из села царских чиновников, полицию и богатеев!

И приступили от разговоров к делу — пошли в центр села.

А на пути — отряды полицейских, конной лесной стражи, вооруженных обездичников. Затрещала пестрелка. Несколько часов с переменным успехом шел настоящий бой.

Появление роты солдат в Павловске решило исход боя — не в пользу повстанцев. Они не досчитались 18 товарищей — 17 раненых и один

— Сергей Карев — убитый. 150 павловцев этапом отправили в Барнаул.

Целый год томились в тюрьме павловские повстанцы. Одни из «защитников» Матвея Игнатьев сочинили два стихотворения, которые стали песнями и охотно распевались павловцами:

— На кордон пошли!

Хлынули на кордон. Открыли двери загона. Крестьянский скот, задержанный обездичником, в этот раз выходит на волю без выкупа.

Над улицами древнего заводского села зазвенели революционные песни.

В этот день — 31 мая 1911 года в Павловском повторились змеиногорские события 1905 года.

50 тысяч протоколов о лесных нарушениях, изорванных в клочки, мотыльками порхали в воздухе. Дом разбитой конторы имения аиял черными провалами окон. Валились изуродованные шкафы, разорванные с выколотыми глазами царские портреты. Та же участь постигла дома управляющего Павловским имением, полицейского урядника, шесть коронов. При этом крестьяне проявили высокую честность — не взяли ни копейки из вскрытых денежных ящиков.

На другой день за речкой Фунтов-

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК)

округа Ульриха. Забыли тревогу, как при опустошительном пожаре. Томский губернатор пришел в гнев от превеликой крестьянской дерзости. Настоящее восстание! Какого не было в других селах Сибири за всю революцию. Да еще где — в самом поместье русского царя!

Телеграф работал с перегрузкой. Без конца летели депеши с просьбами и строгими предписаниями.

И, наконец, пришла категорическая телеграмма министра внутренних дел Столыпина-вешателя: «Немедленно принять в Быстком уезде энергичные меры войсками. Действовать самым решительным образом и подавить движение силой оружия».

В уезде вводилось военное положение на полгода. На повстанцев двинулись воинские подразделения с артиллерией, а за войсками хлынули чиновники — наводить «порядок». Из быстроистокских крестьян наложили штраф, втрое превышавший стоимость самовольно вырубленного леса. Томский губернатор предлагал штрафовать каждого «бунтовщика» на пятьсот рублей или подвергать аресту до трех месяцев. Многие десятки повстанцев были посажены на скамью подсудимых. Ивана и Мирона Казарцевых приговорили к 12 годам каторжных работ каждого, остальных к различным срокам тюремного заключения.

На сход прибежали пастухи Ботов

от Полякова и другие угнетатели. Думалось им — отгребмы гроза и уже не вернется, и веки-вечные будут они благоденствовать в тишине и сътом довольстве.

И вдруг...

Однажды в Народном доме прошло театральное представление. Представители власти поспешили из театра, чешом обеспокоенные. Начальник Алтайского округа спешно сел в экипаж и выехал из города, вслед за ротой солдат.

В селе Павловском в это время развернулись грозные события. Тысячи жителей пришли к волостному правлению на сход. Мрачные, озлобленные, говорили о своих кровных крестьянских заботах:

— Попоша из общественного наледа чиновники отдали в аренду обездичникам Майорниковым двести десятин земли, а барнаульскому купцу Карамышеву — две тысячи десятин?

— Теперь пашня и водопой от выгона отрезаны...

— До каких пор обездичники будут лютовать? Поймают в лесу скотину — руль, а то и трешину в выкуп требуют...

На сход прибежали пастухи Ботов

и крестьяне Зотов. У обоих на лицах свежие синяки и ссадины.

— Бей, ребята, кровопийц!

Взяла верх жгучая, годами конившая обида. Минута, и от дома обездичника осталась одна щепка. И снова крик:

— На кордон пошли!

Хлынули на кордон. Открыли двери загона. Крестьянский скот, задержанный обездичником, в этот раз выходит на волю без выкупа.

Над улицами древнего заводского села зазвенели революционные песни.

В этот день — 31 мая 1911 года в Павловском повторились змеиногорские события 1905 года.

50 тысяч протоколов о лесных нарушениях, изорванных в клочки, мотыльками порхали в воздухе. Дом разбитой конторы имения аиял черными провалами окон. Валились изуродованные шкафы, разорванные с выколотыми глазами царские портреты. Та же участь постигла дома управляющего Павловским имением, полицейского урядника, шесть коронов. При этом крестьяне проявили высокую честность — не взяли ни копейки из вскрытых денежных ящиков.

На другой день за речкой Фунтов-

ской решило исход боя — не в пользу повстанцев. Они не досчитались 18 товарищей — 17 раненых и один

— Сергей Карев — убитый. 150 павловцев этапом отправили в Барнаул.

Целый год томились в тюрьме павловские повстанцы. Одни из «защитников» Матвея Игнатьев сочинили два стихотворения, которые стали песнями и охотно распевались павловцами:

— Барнауле, за большим забором,

Есть с решетками там дом.

В нем сидеть было больним

позором.

Преступлением пред «отдом»

парем.

В нем бедны юноши томятся

За решеточным окном,

Им на волю больше не

пробраться —

Дверь всегда там под замком...

28 мая 1911 года состоялся суд. 53 человека были осуждены к разным срокам тюремного заключения. Полтора года тюремы дали Матвею Игнатьеву за участие в восстании и драки стихи.

За последний раскат грома сочли власти Павловское восстание. И жестоко ошиблись — над землей алтайской постепенно набирала силы новая очистительная гроза.

Л. Бородкин РАСКАТЫ ГРОМА